

Сопоставительная славянская синтактология — научное достояние брненской славистики

Comparative Slavic Syntactology—Scientific Heritage of Brno Slavistics

Станислав Александрович Рылов

(Нижний Новгород, Россия)

Абстракт:

В статье анализируется роль брненской славистики в становлении и развитии нового научного направления — сопоставительной славянской синтактологии, основоположником которой стал Я. Бауэр. Подчеркивается большой вклад в ее развитие С. Жажи, Р. Мразека. Автор обращает внимание на тесную связь этой исследовательской области с теорией синтаксиса, лингвистической типологией, когнитивной лингвистикой, лингводидактикой. В качестве одной из актуальных задач рассматривается сопоставительное изучение синтаксиса славянского языкового ареала на основе конфронтационного анализа простого предложения в чешском и русском языках с учетом их типологических особенностей. Анализируются типичные чешско-русские синтаксические конфронтемы: а) со значением предикатной посессивности; б) выражающие личностный принцип.

Ключевые слова:

брненская славистика; сопоставительная славянская синтактология; структурные типы; простого предложения; конфронтационный анализ; типология предложения; когнитивистика

Abstract:

The article analyses the role of Brno Slavistics in establishing and development of the new scientific direction—comparative Slavic syntactology that was founded by J. Bauer. It is emphasized the important contribution of S. Žaža and R. Mrázek. The author pays attention to the close connection of this research area with the theory of syntax, linguistic typology, cognitive linguistics, language pedagogy. One of the urgent research problem is the comparative study of the syntax of Slavic area through the confrontational analyses of the simple sentence in Czech and Russian languages, considering their typological specificities. There are analysed the typical Czech-Russian syntax confrontments: a) with the meaning of predicate possessive; b) expressing individual principle.

Key words:

Brno Slavistics; comparative Slavic syntactology; structural types of simple sentence; confrontational analyses; typology of the sentence; cognitive science

Истоки брненской славистики, как известно, восходят к концу XVIII – началу XIX вв., когда в период национального возрождения в Чехии и Моравии развернулась деятельность выдающегося слависта Иосефа Добровского¹. В Брненском университете — с самого его основания в 1919 году — активно развивалась славистика как комплексная «славянская филология» в области компаративистики, палеославистики, богемистики, русистики, сопоставительной славянской филологии (языкознания и литературоведения) — благодаря научной и учебно-педагогической деятельности таких ученых, как В. Махек, В. Вондрак, Б. Гавранек, Р. О. Якобсон, Н. Н. Дурново, а впоследствии Ф. Травничек, Я. Буриан, Ф. Вольман, И. Курц, Я. Бауэр, Р. Вечерка, И. Поспишил, и многих других. Брненская славистика за время своего существования сыскала доброе имя во многих странах и в XX веке заслуженно вошла в историю европейской и мировой славистики.

В 60–80-е годы прошлого столетия философский факультет Брненского университета стал признанным в мире центром синтаксической науки. Здесь сформировалась знаменитая синтаксическая школа, представителями которой являются известные слависты Я. Бауэр, Р. Вечерка, С. Жажа, Р. Мразек, богемисты М. Грепл, П. Карлик, Я. Хлоупек и др. Именно философским факультетом

1 VEČERKA, R.: *Slovanská filologie na Filozofické fakultě*. In: DOROVSKÝ, I., VÁLEK, V., VEČERKA, R., ČEJKA, M. (eds): *Slavica na Masarykově univerzitě v Brně*. Brno: Vydavatelství MU v Brně, 1993, s. 9.

было организовано проведение пяти брненских синтаксических симпозиумов (1961–1976 гг.), получивших широкую известность за рубежом и ставших международными. В эти же годы в Брно регулярно выходили сборники научных трудов *Otázky slovanské syntaxe*. Показательно, что американский славист Хенрик Бирнбаум в свое время образно назвал Брно «Меккой славянского синтаксиса»². Поэтому далеко не случайно, что именно в г. Брно в конце XX века зародилось новое научное направление — сопоставительная славянская синтактология.

Сопоставительная славянская синтактология — область сопоставительного исследования синтаксических единиц, категорий, конструкций современных славянских языков — в их синхронном состоянии и диахронии. Это новое направление формируется на основе теории синтаксиса, идей структурной лингвистики, сравнительно-исторического исследования славянских языков, метода «аналитического сравнения», или «аналитического синхронного сопоставления», сформулированного в работах В. Матезиуса³.

Основоположником сопоставительной славянской синтактологии стал яркий представитель брненской славистики Ярослав Бауэр (1924–1969). Я. Бауэр последовательно шел от изучения вопросов синтаксиса падежных конструкций в старославянском языке к исследованию в компаративистском плане славянского синтаксиса — с широким его охватом. Он написал ряд новаторских, богатых фактическим материалом статей, касающихся разных разделов синтаксиса.⁴

Программой работы в области сопоставительной славянской синтактологии следует считать его доклад «Konfrontační a srovnávací studium české a polské syntaxe» (1964), в котором отмечалось: «Konfrontační studium skladby dnešní češtiny a polštiny se dosud uplatňovalo velmi slabě – najdeme jen jednotlivé postřehy a výklady ve shodách a rozdílech v učebnicích. [...] Celá práce stojí ještě před námi. Bude při ní možno uplatnit zkušenosti z porovnávacího studia ruštiny; u nás byla ruské syntaxi věnována velká pozornost a vedle mnoha studií...»⁵

- 2 VEČERKA, R.: *Stanislav Žaža osmdesátiletý*. In: GAZDA, J. (ed.): *Príspevky k aktuálnym otázkám jazykovedné rusistiky* (3). *Sborník příspěvků z konference Aktuální otázky současné jazykovedné rusistiky*. Brno: Vydavatelství Tribun EU 2009, s. 6.
- 3 MATHESIUS, V.: *O sistemnom grammatičeskom analize*. In: MATHESIUS, V.: *Izbrannyje trudy po jazykoznaniju*. Moskva: Izdatel'stvo Editorial URSS, 2003, s. 148.
- 4 LAMPRECHT, A., ŽAŽA, S.: *Srovnávací slovanská jazykoveda*. In: DOROVSKÝ, I., VÁLEK, V., VEČERKA, R., ČEJKA, M. (eds): *Slavica na Masarykově univerzitě v Brně*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 1993, s. 16.
- 5 «Сопоставительное изучение синтаксиса современного чешского и польского языков до сих пор применялось очень мало — можно найти только отдельные наблюдения и толкования о сходстве и различиях в учебниках. [...] Огромная работа еще предстоит нам. В ходе ее

Далее Я.Бауэр дает в 6 пунктах основные методологические принципы сопоставительного изучения синтаксиса современных славянских языков. Примечательно, в частности, следующее важное положение: «Konfrontační studium syntaxe se nesmí omezit jen na zjišťování rozdílů a na jejich vysvětlování. Jde o porovnání celých syntaktických systémů, při němž musíme velmi pečlivě vážit místo porovnávaných jevů v každém jazyce; stejně závažné jako rozdíly jsou i shody, a v našem případě ještě závažnější, protože převládají».⁶

Я.Бауэр заложил традиции брненских синтаксических симпозиумов и издание научных сборников «Otázky slovanské syntaxe». Совместно с Я.Бауэром их активнейшим организатором и продолжателем традиций стал С. Жажа.

Станислав Жажа, свою научную деятельность строит прежде всего на базе сопоставительного анализа русско-чешского и чешско-русского синтаксиса. В многочисленных научных статьях он рассматривает теоретические проблемы синтаксиса, отдельные члены предложения, порядок слов, типы простого предложения, семантику сложноподчиненного предложения; при этом постоянно обращает внимание на типологические особенности предложения и его структурно-семантическую сторону. Характерная черта его научной деятельности — стремление соединить теорию с практикой. С. Жажа был соавтором — вместе с Я.Бауэром, Р.Мразеком — синтаксиса русского языка «Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy. II. Skladba» (Praha, 1960, 1979), сотрудничал в написании коллективного учебника для высшей школы «Русский синтаксис в сопоставлении с чешским» (Praha, 1982). Сопоставительный подход к русско-чешским синтаксическим конструкциям С. Жажа ярко продемонстрировал в учебном пособии «Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским»⁷.

Большой вклад в развитие сопоставительной славянской синтактологии внес брненский славист Роман Мразек. Краеугольным камнем его научной деятельности стало исследование в сопоставительном плане современного русского и — шире — славянского синтаксиса. Р.Мразек первоначально

можно будет применить опыт сопоставительного изучения русского языка; у нас русскому синтаксису уделялось большое внимание, и помимо многих исследований...» BAUER, J.: *Konfrontační a srovnávací studium české a polské syntaxe*. In: BAUER, J.: *Syntactica slavica*. Brno: Vydavatelství MU v Brně, 1972, s. 32.

- 6 «Сопоставительное синтаксическое исследование не должно ограничиваться только выяснением различий и их объяснением. Речь идет о сопоставлении целых синтаксических систем, при котором необходимо очень тщательно взвешивать место сопоставляемых явлений в каждом языке; одинаково важными являются как различия, так и сходства, и в нашем случае они еще более важны, так как доминируют». Там же, с. 32–33.
- 7 FLÍDROVÁ, H. — ŽAŽA, S.: *Sinaksis ruskogo jazyka v sopostavlenii s češškim*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2005, s. 14–16, 50–58, 65–67, 70–73, 77–79.

сосредоточил свое внимание на простом предложении и проблематике пассивных конструкций. В дальнейшем сферой его научных интересов становится исследование *содержательной* стороны славянского предложения в сопоставительном плане — с точки зрения модальных, эмоциональных и ценностных отношений говорящего.⁸

На обширном текстовом материале 12 современных славянских литературных языков построена его монография «Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения»⁹, которая явилась заметным вкладом в развитие сопоставительной славянской синтактологии. Именно в этой работе Р. Мразек вводит в научный оборот сам термин «сравнительная сопоставительная) славянская синтактология».¹⁰ Отграничиваясь в своем исследовании от традиционной сравнительно-исторической трактовки, «сочетающей сравнение языков обязательно с историческим подходом», Р. Мразек приходит к заключению, что «развившаяся впоследствии в недрах структурного направления одна лишь **сравнительная**, или сопоставительная, **презентация** языковых фактов тоже полностью оправдана».¹¹ Исходя из этого, ученый четко формулирует предмет исследования: «сравнительное освещение основных, типовых построений, характерных для нынешнего славянского языкового ареала. На переднем плане притом стоит описание самого языкового материала, со стремлением вскрывать системные сходства и расхождения между языками».¹² В основу своей концепции сопоставительного изучения структур славянского предложения автор кладет «принцип деривационного синтаксиса: любое конкретное высказывание так или иначе соотносительно с тем или иным исходным, ядерным предложением-конструктом».¹³ Приоритетным в исследовании Р. Мразека становится содержательная сторона, синтаксическая семантика предложения: «Дело в том, что одинаковые структуры денотативных ситуаций получают при сообщении — начиная с пропозиции и вплоть до реализации данного конкретного сообщения — в разных славянских языках зачастую неодинаковое структурно-конструктивное оформление».¹⁴

8 JIRÁČEK, J. – MRÁZEK, R. *Rusistika*. In: DOROVSKÝ, I., VÁLEK, V., VEČERKA, R., ČEJKA, M. (eds): *Slavica na Masarykově univerzitě v Brně*. Brno: Vydavatelství MU v Brně, 1993, s. 30.

9 MRÁZEK, R.: *Sravnitel'nyj sintaksis slavjanskich literaturnych jazykov. Ischodnyje struktury prostogo predloženiya*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1990.

10 Там же, с. 11.

11 Там же, с. 13.

12 Там же, с. 7.

13 Там же, с. 7.

14 Там же, с. 9.

Особенно ценным представляется то, что ученый поставил проблему установления общего синтаксического профиля славянского простого предложения. Это имеет большое научное значение «для лучшего познания сущности славянского синтаксиса, для более выпуклого осмысления многих системно взаимообусловленных явлений. А на более низком уровне абстракции можно, в свою очередь, попытаться очертить **внутриславянскую контрастивную характеристику** по трем основным ветвям славянского ареала и, наконец, на низшем уровне можно установить специфические характерные черты каждого отдельно взятого славянского языка».¹⁵ В работе дается трихотомическая типология (восточнославянский, западнославянский, южнославянский ареалы) славянского простого предложения, рассматривается теория предикации и предикатов.

Разумеется, было бы несправедливо принижать роль и заслуги других брненских синтаксистов, но именно названные ученые: Я. Бауэр, С. Жажа, Р. Мразек — это «три кита», на которых зиждется основание сопоставительной славянской синтактологии.

Зародившись в недрах сравнительно-исторического языкознания и развиваясь на основе теории синтаксиса, идей структурализма, сопоставительная славянская синтактология с конца XX века стала автономной исследовательской областью, обладающей своими задачами, принципами, приемами исследования.

Несмотря на определенные успехи в изучении синтаксиса каждого из славянских языков, сопоставительная славянская синтактология остается в настоящее время наименее разработанной областью славянского языкознания. Поэтому одной из актуальных ее задач по-прежнему является сопоставительный анализ синтаксических единиц и категорий, открывающий новые возможности более глубокого познания синтаксической системы каждого из современных славянских языков.

Вместе с тем, сопоставительная славянская синтактология должна быть тесно связана с разработкой теории синтаксиса. Однако многие вопросы синтаксической теории до настоящего времени остаются нерешенными.¹⁶ Это, разумеется, затрудняет эффективность сопоставительных исследований славянских языков. Так, по мнению М. Грeпла, одной из важнейших теоретических проблем в синтаксисе является проблема разграничения явлений

15 Там же, с. 24–25.

16 PEČIAR, Š. – BAUER, J. – DANĚŠ, F.: *O koordinaci slovanské jazykovědné terminologie*. In: Slavjanska lingvistična terminologija. Sofija: Izdatelstvo na Bŕlgarskata Akademija na naukite, 1962, s. 40–41.

системных (*langue*) и речевых (относящихся к *parole*).¹⁷ Иными словами: что в предложении как основной синтаксической единице языка-речи относится к языку, а что принадлежит речи? От этого разграничения во многом зависит понимание и объекта сопоставительного исследования в синтаксисе, и границ сопоставительного синтаксического описания.

Кстати, сопоставительная славянская синтактология долгое время была ориентирована на синтаксис языка. Между тем, и *синтаксис речи* не менее важен, и в последние десятилетия интерес к его исследованию в славянских языках значительно расширился. Так, авторы учебника для высшей школы «*Skladba češtiny*» М. Грепл и П. Карлик ставят в центр своего научного описания живые, общеупотребительные синтаксические явления чешской *речи*, исходя из важнейшего постулата современной лингвистики — «*zkoumat jazyk (jazykový systém) v procesech jeho užívání, fungování (v řeči)*». ¹⁸ Предметом рассмотрения в указанной книге становится реализация предложения (*věty*) в конкретной коммуникативной ситуации, т. е. *высказывание (výpověď)*, его членение (сегментация), высказывание как речевой акт, коммуникативные (*ilokuční*) функции высказывания, его актуальное членение и др. Показательно, что и новая академическая грамматика чешского языка «*Akademická gramatika spisovné češtiny*» ¹⁹ основывается на коммуникативно-речевом подходе в синтаксисе, при этом ключевым понятием становится «*mluvní akt, promluva*» (речь как говорение): «*Ta je členěna do jednotlivých výpovědí, které se pojmají jako elementární komunikační jednotky řeči. Tyto jednotky řeči jsou obvykle založeny na přisuzování (predikaci) děje nebo vztahu jeho nositeli (subjektu) a nazývají se věty*». ²⁰ Новая академическая грамматика в значительной части исходит из живых современных письменных текстов, которые содержатся в Чешском национальном корпусе. ²¹ Следует, однако, отметить, что в *сопоставительном* плане синтаксис речи в славянских языках фактически не изучен.

В сопоставительных исследованиях вызывают значительные затруднения неодинаковые синтаксические традиции, существующие в разных славянских странах, в том числе в России и Чехии. В таком случае возникают

17 GREPL, M.: *Iz teoretičeskogo opyta opisaniya sintaksičeskoj sistemy*. In: ŠVEDOVA, N. J. (red.) *Grammatickejške opisanije slavjanskich jazykov*. Moskva: Izdatel'stvo Nauka, 1974, s. 4–5.

18 «изучать язык (языковую систему) в процессах его употребления, функционирования (в речи)». GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Skladba češtiny*. Praha: Votobia, 1998, s. 13.

19 ŠTÍCHA, F. a kol.: *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013, 975 s.

20 «Ее [*promluvu*] расчленяют на отдельные высказывания, которые рассматриваются как *элементарные коммуникативные единицы речи*. Эти единицы речи обычно имеют в качестве основания приписывание признака (предикацию) действия или отношение к его носителю (субъекту) и называются *предложения*». *Tantěž*, s. 23.

21 *Tantěž*, s. 16.

существенные различия относительно строения простого предложения и, как следствие, относительно классификации структурных типов предложения в славянских языках. Так, в русской грамматической традиции отчетливо разграничиваются по форме и по значению два структурных типа простого предложения: двусоставный и односоставный.²² Среди односоставных различаются структурно-семантические виды простого предложения: определенно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное, безличное, инфинитивное, номинативное, вокативное предложения.²³ Однако в чешской грамматике принято иное разграничение: větné struktury podmětové (dvojčlenné) a větné struktury bezpodměté (jednočlenné, impersonální)²⁴. Различие между предложениями подлежащими и бесподлежащими следующее: «věty podmětové mají vždy gramatický podmět, třebaže někdy nevyjádřený, věty bezpodměté gramatický podmět nemají».²⁵ Следовательно, чешские типы простого предложения нетождественны русским. Особенно важно то, что это различие в классификации типов простого предложения не только терминологического, но и предметно-содержательного характера. Чешские предложения, в которых подлежащее-субъект словесно не выражен, например: *Učím se česky; Vrátil jsem se pozdě večer; Říkali mi bratr Paleček* — квалифицируются, в отличие от русской грамматической традиции, как предложения двучленные (а не одночленные!).²⁶ Отсюда следует, что при проведении сопоставительного анализа структурных типов простого предложения в русском и чешском языках прежде всего необходимо выбрать основание для сопоставления — *comparationis*.

22 Заслуга в разграничении и исследовании указанных типов простого предложения принадлежит А. А. Шахматову, см.: ŠACHMATOV, A. A.: *Sintaksis ruského jazyka*. Leningrad: Gosudarstvennoje učebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo, 1941, s. 49–50.

23 См., например: BABAJCEVA, V. V. – MAKSIMOV, L. J.: *Sovremennij russkij jazyk. Část III. Sintaksis. Puntuacija*. Moskva: Prosveščeniye, 1981, s. 91–92.

24 TRÁVNÍČEK, F.: *Mluvnice spisovné češtiny. Část II. Skladba*. Praha: Slovanské nakladatelství, 1951, s. 619–620, 624–625; GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986, s. 111–113; HAVRÁNEK, B. – JEDLIČKA, A.: *Česká mluvnice*. Praha: SPN, 1960, s. 330–334; GREPL, M. a kol.: *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1995, s. 338. Следует отметить, что новая академическая грамматика чешского языка отходит от традиционного понимания структурных типов простого предложения, чем она «se odlišuje od dosavadních gramatik (mluvnic)», т. е. «отличается от существовавших до сих пор грамматик» — ŠTÍCHA, F. a kol.: *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013, s. 18. В ней рассматривается прежде всего «základová větná struktura (ZVS)», а именно: «členy, jejichž přítomnost ve větné struktuře přísudek vyžaduje» («члены, наличие которых в структуре предложения делает необходимым сказуемое») — Там же, с. 543.

25 «Предложения подлежащие всегда имеют грамматическое подлежащее, хотя иногда и не выраженное, предложения бесподлежащие грамматического подлежащего не имеют». GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986, s. 113.

26 HAVRÁNEK, B. – JEDLIČKA, A.: *Česká mluvnice*. Praha: SPN, 1960, s. 345.

Одна из актуальных проблем сопоставительной славянской синтактологии — построение конфронтационных исследований синтаксических явлений славянских языков с учетом типологии славянского простого предложения.²⁷

Конфронтационный анализ — система исследовательских принципов, приемов, которые направлены на выявление *различий* двух генетически родственных языков. Конфронтационный анализ ставит целью исследование синтаксических конструкций двух языков с точки зрения взаимных синхронных отношений — *конфронтации*. Истинный смысл конфронтации — в расхождении двух *связанных* между собой по какому-либо признаку языковых явлений. Ключевое понятие конфронтационного анализа — *синтаксическая конфронтация* (синтаксическая конфронтационная пара). Это два синтаксических элемента (высказывания, модели простого предложения и т. д.) сопоставляемых языков, которые имеют закономерное соответствие: на базе *общности* этих элементов по какому-либо признаку между ними обнаруживается языковое *различие*. Конфронтационный анализ синтаксиса заключается не только в выявлении различий сопоставляемых синтаксических конструкций, но и — что особенно важно — в объяснении этих различий.

Интересно, что конфронтационные различия между эквивалентными синтаксическими структурами простого предложения в сопоставляемых языках могут быть во многих случаях объяснены на основе *типологических* особенностей языков. Из этого следует тесная связь конфронтационного подхода в сопоставительной славянской синтактологии с лингвистической типологией. Необходимость привлечения типологии в сопоставительном синтаксисе славянских языков убедительно аргументирует И. Андерш: «Typologie slovanské jednoduché věty je... možné definovat jako nauku o typech jednoduché věty se stejnými nebo podobnými modely, schématy nebo vzorci. Předmětem typologie slovanské věty se tak stává studium vnitřní organizace jednoduchých vět slovanských jazyků. Výstavba typologie slovanské věty umožňuje na jedné straně hlouběji proniknout do podstaty dané gramatické kategorie jako systému a na druhé zjistit typologické rozdíly v struktuře jednoduchých vět jednotlivých slovanských jazyků».²⁸ К сожалению, типологическое исследование синтаксиса современных чешского и русского языков проводилось на материале только

27 ANDERŠ, J.: *K typologickému studiu slovanské věty: základ srovnávání*. In: POSPÍŠIL, J. – ZELENKA, M. (eds): *Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů*, Ljubljana 15.–21. 8. 2003. Praha: Academia, 2003, s. 17.

28 «Типологию славянского простого предложения можно определить как науку о типах простого предложения с одинаковыми или сходными моделями, схемами или формулами. Предметом типологии славянского предложения, следовательно, становится изучение внутренней организации простых предложений в славянских языках. Построение типологии славянского предложения позволяет, с одной стороны, глубже проникнуть в сущность

отдельных синтаксических категорий.²⁹ В основном находим отдельные наблюдения и толкования сходств и различий.³⁰ Между тем, в типологическом плане между чешским и русским языками могут быть весьма существенные различия. Можно выделить две группы типологических различий: а) некоторые типологические различия появились как результат инновации: один из языков приобрел новую типологическую характеристику, которая не была свойственна в древности праславянскому языку и несвойственна в настоящее время второму сопоставляемому языку; б) типологические различия между русским и чешским языком могут возникнуть также в результате большей архаичности одного из сопоставляемых языков: один из них сохранил какую-либо типологическую характеристику праславянского языка, другой же ее утратил.³¹

Для сопоставительной чешско-русской синтактологии большой научный интерес представляет типичная для простого предложения чешско-русская синтаксическая конфронтация со значением 'обладания чем-либо' (посессивности), например:

*Mám nový počítač. ~ У меня есть новый компьютер; Mají plno starostí.
~ У них много забот.*

Дело в том, что эквивалентные чешское и русское высказывания, которые имеют общность в содержательном отношении, существенно различаются своим построением и синтаксической структурой, а именно: в чешском языке — бесподлежащее предложение:

*ПРЕДИКАТ–МІТ + ДОПОЛНЕНИЕ В ВИН. ПАД. СО ЗНАЧЕНИЕМ
ОБЪЕКТА,*

данной грамматической категории как системы, а с другой — выявить типологические различия в структуре простых предложений отдельных славянских языков». *Tamtéž*, s. 17.

- 29 См., например, вышеуказ. соч. Й. Андерша; ŽAŽA, S.: *Sopostavitel'noje izučenje slavjanskih jazykov v načale tysjačeletija*. In: POSPÍŠIL, J. – ZELENKA, M. (eds): *Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů*, Ljubljana 15.–21. 8. 2003. Praha: Academia, 2003, s. 168–173.
- 30 См., например, интересную книгу: FLÍDROVÁ, H. – ŽAŽA, S.: *Sintaxis ruského jazyka v sopostavlenii s češským*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2005, в которой С. Жажа последовательно рассматривает синтаксические структуры русского и чешского языков с сопоставительной точки зрения.
- 31 MAROJEVIČ, R.: *Tipologičeskije osobnosti ruskogo jazyka v sopostavlenii s serbochorvatskim (lingvističeskij i metodičeskij aspekt)*. In: ACARKINA, T. A., ŠAPKINA, O. N. (eds): *Sopostavitel'naja lingvistika i metodika prepodavanja slavjanskih jazykov*. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1992, s. 48.

но в русском языке та же пропозиция передается иной моделью — двусоставным типом предложения с экзистенциальным глаголом-сказуемым или его нулевой формой:

ПОДЛЕЖАЩЕЕ (вместо чешского дополнения) + СКАЗУЕМОЕ–БЫТЬ + ДОПОЛНЕНИЕ со значением субъекта У + РОД. ПАД.

Очевидно, что указанное существенное структурное различие обусловлено типологическими особенностями чешского языка (*habere*-язык) и русского языка (*esse*-язык).³² Науке еще предстоит выяснить причины типологической дифференциации предикативно-посессивных конструкций между чешским и русским языками. Вполне возможно, что конструкция *mít + вин. п. объекта* отражает большую архаичность чешского языка (для старославянского синтаксиса характерна ориентация на *habere*-язык). С синхронической точки зрения очень важно то, что эквивалентные чешская и русская модели простого предложения отражают разные стереотипы структурирования мысли и воплощают национальное, специфическое для данного народа видение мира. В чешском языковом сознании концентрируется ясное и четкое выражение того, что субъект *‘чем-то непосредственно обладает, чем-то владеет’*, т. е. *tá v držení*. Для русского языкового сознания, напротив, характерным является то, что субъект не обладает, не владеет, не оказывается хозяином чего-то (кого-то). Для русского человека *‘нечто’* (*‘некто’*) существует как бы *‘рядом с ним’*, *‘около него’* — русскую модель *У меня (есть)...*

Так сопоставительная славянская синтактология получает прямой выход в когнитивную лингвистику. Такой подход, несомненно, открывает новые исследовательские и методологические возможности для сопоставительной славянской синтактологии. Более того, когнитивный аспект является в ней просто необходимым, поскольку в языковой концептуализации мира, характерной для менталитета данного народа, особое место принадлежит синтаксическим конструкциям, а синтаксис каждого языка «внутренне связан с “грамматикой мысли”, отражает концептуальные основы ментального действия (речемыслительная, когнитивная функция языка)».³³

Гораздо более сложное, но необычайно важное явление для конфронтационного анализа — синтаксические конструкции, выражающие *личностный принцип*. Дело в том, что личностный принцип воспринимается и отражается

32 MRÁZEK, R.: *Sravnitel'nyj sintaksis slavjanskich literaturnych jazykov. Ischodnyje struktury prostogo predloženiya*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1990, s. 34.

33 KOLESOV, V. V.: *Jazyk i mental'nost'*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Peterburgskoj Vostokovedenije, 2004, s. 230.

в чешском и русском языках по-разному. В русском языке, в отличие от чешского, в таком случае используются чаще всего *безличные предложения*. Развитая система структурно-семантических типов безличного предложения создает ярко выраженное национальное своеобразие русского языка и обуславливает значительные типологические различия между русским и чешским языками. Данная типологическая дифференциация находит проявление в разнообразных синтаксических конфронтациях. Для конфронтационного исследования чешского и русского языков большой научный интерес представляют весьма частотные синтаксические конфронтации:

русское односоставное безличное/инфинитивное предложение ~ чешская синтаксическая структура подлежащая (podmětová, dvojčlenná), ср.:

(А)

Матери сегодня не спалось. ~ Matka dnes nemohla spát;

Дочке еще комнату убирать. ~ Dcerka musí ještě uklízet pokoj;

Мне хочется сказать Вам добрые слова. ~ Rád bych Vám řekl laskavá slova;

(Б)

Ветром сорвало крышу. ~ Vítr strhl střechu;

Дорогу занесло снегом. ~ Sníh zavál cestu;

Берлиоза выбросило на рельсы. ~ Berlioz dopadl na koleje;

(В)

В саду пахнут розами. ~ V zahradě voní růže;

(Г)

Яна здесь нет. ~ Jan tu není;

Родителей нет дома. ~ Rodiče nejsou doma.

Приведенные синтаксические различия, несомненно, обусловлены типологическими особенностями чешского и русского языков и связаны со спецификой выражения национальной ментальности. Они свидетельствуют о тесной связи конфронтационного подхода в сопоставительной славянской синтактологии с лингвистической типологией, когнитивными исследованиями. Требуется дальнейшая разработка принципов сопоставительного исследования синтаксических явлений в славянских языках — с учетом таких новых направлений и идей в лингвистике XXI века, как лингвистическая типология, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. Одновременно сопоставительная славянская синтактология должна быть тесно связана с *лингводидактикой*. Это необходимо для практического изучения

инославянского языка, для выработки эффективной методики преподавания иностранного языка.

Литература:

- ANDERŠ, J.: *K typologickému studiu slovanské věty: základ srovnávání*. In: POSPÍŠIL, J. – ZELENKA, M. (eds): *Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů, Ljubljana 15.–21. 8. 2003*. Praha: Academia, 2003, s. 17–25. ISBN 80-200-1093-9.
- BABAJCEVA, V. V. – MAKSIMOV, L. J.: *Sovremennyj russkij jazyk. Čast' III. Sintaksis. Punktucija*. Moskva: Prosveščeniye, 1981.
- BAUER, J.: *Konfrontační a srovnávací studium české a polské syntaxe*. In: BAUER, J.: *Syntactica slavica*. Brno: Vydavatelství MU v Brně, 1972, s. 31–34.
- FLÍDROVÁ, H. – ŽAŽA, S.: *Sintaksis ruského jazyka v сопоставлении s českým*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2005. ISBN 80-244-1104-0.
- GREPL, M.: *Iz teoretičeskogo opyta opisaniya sintaksičeskoj sistemy*. In: ŠVEDOVA, N. J. (red.) *Grammaticeskije opisaniye slavjanskich jazykov*. Moskva: Izdatel'stvo Nauka, 1974, s. 3–8.
- GREPL, M a kol.: *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1995. ISBN 80-7106-134-4.
- GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Skladba češtiny*. Praha: Votobia, 1998. ISBN 80-7198-281-4.
- GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986.
- HAVRÁNEK, B. – JEDLIČKA, A.: *Česká mluvnice*. Praha: SPN, 1960.
- JIRÁČEK, J. – MRÁZEK, R.: *Rusistika*. In: DOROVSKÝ, I., VÁLEK, V., VEČERKA, R., ČEJKA, M. (eds): *Slavica na Masarykově univerzitě v Brně*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 1993, s. 28–32. ISBN 80-210-0589-0.
- KOLESOV, V. V.: *Jazyk i mental'nost'*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Peterburgskoj Vostokovedeniye, 2004. ISBN 5-85803-242-7.
- LAMPRECHT, A. – ŽAŽA, S.: *Srovnávací slovanská jazykověda*. In: DOROVSKÝ, I., VÁLEK, V., VEČERKA, R., ČEJKA, M. (eds): *Slavica na Masarykově univerzitě v Brně*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 1993, s. 14–18. ISBN 80-210-0589-0.
- MAROJEVIČ, R.: *Tipologičeskije osobennosti ruskogo jazyka v сопоставлении s serbochorvatskim (lingvističeskij i metodičeskij aspekt)*. In: ACARKINA, T. A., ŠAPKINA, O. N. (eds): *Сопоставительная лингвистика i методика преподавания slavjanskich jazykov*. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1992.

- MATHESIUS, V.: *O sistemnom grammatičeskom analize*. In: MATHESIUS, V.: *Izbrannye trudy po jazykoznaniju*. Moskva: Izdatel'stvo Editorial URSS, 2003, s. 148–160. ISBN 5-354-00522-1.
- MRÁZEK, R.: *Sravnitel'nyj sintaksis slavjanskich literaturnych jazykov. Ischodnyje struktury prostogo predloženiya*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1990. ISBN 80-210-0204-2.
- PECIAR, Š. – BAUER, J. – DANĚŠ, F.: *O koordinaci slovanské jazykovědné terminologie*. In: *Slavjanska lingvistična terminologija*. Sofia: Izdatelstvo na Bŕlgarskata Akademija na naukite, 1962, s. 37–52.
- ŠACHMATOV, A. A.: *Sintaksis ruskogo jazyka*. Leningrad: Gosudarstvennoje učebno-pedagogičeskoje izdatel'stvo, 1941.
- ŠTÍCHA, F. a kol.: *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013. ISBN 978-80-200-2205-9.
- TRÁVNÍČEK, F.: *Mluvnice spisovné češtiny. Část II. Skladba*. Praha: Slovanské nakladatelství, 1951, s. 617–1498.
- VEČERKA, R.: *Slovanská filologie na Filozofické fakultě*. In: DOROVSKÝ, I., VÁLEK, V., VEČERKA, R., ČEJKA, M. (eds): *Slavica na Masarykově univerzitě v Brně*. Brno: Vydavatelství MU v Brně, 1993, s. 9–14. ISBN 80-210-0589-0.
- VEČERKA, R.: *Stanislav Žaža osmdesátiletý*. In: GAZDA, J. (ed.): *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (3)*. Sborník příspěvků z konference Aktuální otázky současné jazykovědné rusistiky. Brno: Vydavatelství Tribun EU 2009, s. 6–8. ISBN 978-80-799-889-9.
- ŽAŽA, S.: *Soposavitel'noje izučeniye slavjanskich jazykov v načale tysjačletija*. In: POSPÍŠIL, J. – ZELENKA, M. (eds): *Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů, Ljubljana 15.–21. 8. 2003*. Praha: Academia, 2003, s. 165–179. ISBN 80-200-1093-9.

Об авторе

Stanislav Rylov, University of Nizhny Novgorod,
Faculty of Philology, Department of History of Russian Language and Slavic Linguistics,
Nizhny Novgorod, Russia, slavc@mail.ru